

Ольга Минкина

Коза и депутаты: «еврейская политика» конца XVIII — начала XIX в. в фольклоре «черты оседлости»

Давным-давно, когда я был еще знатен и богат, у меня
была козочка с одним рогом.

[Береговский 2001: 201–202]¹

Еврейские депутаты, официальные представители еврейского населения Российской империи при временных и постоянных государственных учреждениях в конце XVIII — начале XIX в. (подробнее о них см.: [Минкина 2007: 165–201]), к середине XIX в. становятся персонажами народных преданий. Почти в каждой общине рассказывали о таком «герое», имевшем реальный исторический прототип. Легендарная «биография» отдельных персонажей прослеживается от рождения до смерти. Можно зафиксировать совпадения отдельных имен, топонимов и обстоятельств с реальными историями жизни тех же депутатов, известными по документальным источникам.

Эти фольклорные нарративы были известны в кругах русско-еврейской интеллигенции и подвергались переосмыслению в литературных и публицистических произведениях.

Ольга Юрьевна Минкина
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
olga-minkina@yandex.ru

¹ В пуримшпиле, народной еврейской драме на сюжет библейской Книги Есфирь, эту фразу произносит Мордехай, персонаж, ставший в еврейской традиции архетипом для «близкого к властям» еврея. Здесь и далее переводы с идиша и иврита принадлежат автору статьи.

ниях, а позднее — в работах этнографов. Так, основоположник еврейской фольклористики в России Семен Акимович Анский в своей литературной обработке легенды о «Мстиславском деле» 1844 г.¹ к собственно фольклорному тексту, воспроизводимому им довольно точно по полевым записям, добавляет фигуры рассказчика и слушателей: хасидов и миснагидов, представителей противостоящего хасидизму направления в иудаизме. Ключевым понятием для Анского оказывается «*msiras nefesh*» («экстатическое самопожертвование, преданность, приверженность»). Миснагид Лейвик рассказывает легенду о ходатае Ицэле, чтобы доказать хасидам, что качество «*msiras nefesh*», чаще всего связываемое с хасидизмом, не в меньшей мере присуще и миснагидам. С рассказчиком спорит хасид: по его мнению, суть легенды в том, что во время своей беседы с Николаем I Ицэле на время утрачивает свои «миснагидские» качества и становится хасидом со свойственными хорошему хасиду «пылом» и «самозабвением» [An-ski 1927: 202–217]. Очевидно, что Анский рассматривал фольклорные тексты о еврейских ходатаях с точки зрения новой интерпретации традиции и актуализации тех ее элементов, которые можно использовать для конструирования новой светской еврейской идентичности. В этой связи особое значение приобретала романтическая идеализация хасидизма. Хасидское понятие «*msiras nefesh*» оказывается, таким образом, одним из ценных элементов национального характера. Тема самозабвенной преданности идее не могла не привлекать народника Анского, несмотря на то что в легенде носителем этого качества является представитель традиционной еврейской верхушки.

Записи большинства известных нам исторических преданий о еврейских «политических» деятелях конца XVIII — начала XIX в. были выполнены непрофессиональными собирателями. Первая подборка таких фольклорных текстов была опубликована в 1916–1920 гг. в Нью-Йорке литератором Ш. Гурвицем, выступавшим под псевдонимом А. Литвин [Litvin 1916]. Вторая публикация была осуществлена в 1926 г. в Варшаве журналистом Ш. Цитроном [Tsitron 1926a]. Тексты обоих сборников были записаны в первые годы XX в. в основном на территории современных Белоруссии и Литвы. В ряде случаев собиратели сообщали, где был записан тот или иной текст, или указывали ареал его бытования. Иногда приводятся варианты того или

¹ «Мстиславское дело» (1844) — дело по обвинению группы евреев г. Мстиславля в нападении на солдат, проводивших обыски в торговых лавках. Арест 160 евреев и их «чудесное спасение» благодаря ходатайствам влиятельного откупщика Ицхака Зеликина («Ицэле») (1790–1880) послужили основой для многочисленных преданий и легенд, придававших этому частному эпизоду парадигматический характер. Подробнее о «Мстиславском деле» см.: [Гессен 1910].

иною предания. Содержание многих преданий передано исключительно кратко: неясно, бытовали они в такой форме либо сокращены публикаторами. Эти публикации не были переведены с идиша и только изредка упоминались в исторических работах [Levitats 1943: 104; Lederhendler 1989: 109; Fishman 1995: 56–59].

В центре всех этих преданий — идеализированный образ еврея, приближенного к властям, заступника за свой народ. Он происходит из среды еврейской элиты — чаще всего указывается, что предки депутата славились богатством и ученостью [Tsitron 1926a: 28, 68, 125; Litvin 1916: 8.3; Ginsburg 1937: 63]¹. С детских лет персонаж проявляет необычайные способности к наукам и особенно к языкам [Magid 1900: 146; Tsitron 1926a: 29], в ранней юности вступает в выгодный брак. Тесть вовлекает его в свои торговые дела, и герой за несколько лет становится обладателем большого состояния [Tsitron 1926a: 68, 125–126]. Поворотным пунктом в биографии персонажа является знакомство (чаще всего случайное) с коронованной особой или влиятельным лицом (например, весьма популярным в еврейских преданиях Г.А. Потемкиным [Ibid.: 29]). Герой становится своего рода «еврейским советником императора». Его близость к сильным мира сего выражается наглядно: «гулял с Потемкиным как друг или брат» [Hurwitz 1922: 3], «прогуливался под ручку с самой Екатериной II и беседовал с ней по-французски». «Маленький еврейчик» командует ротой казаков, приставленных к нему императором в качестве почетного караула, и они покорно ждут у синагоги, когда он закончит молитву. Перед влиятельным евреем заискивают министры и трепещут польские магнаты [Litvin 1916: 8.4, 9.5, 21.7]. При этом он остается благочестивым евреем, строго соблюдающим субботу и все религиозные предписания; он забывает даже о своих финансовых делах, чтобы помочь попавшим в беду единоверцам.

Несколько развернутых нарративов построены по одной схеме: бедствия и несправедливые гонения, постигшие общину или отдельного еврея, путешествие в Петербург к депутату, успешное заступничество депутата за соплеменников [Tsitron 1926a:

¹ Примечательным исключением является фольклорная история о происхождении влиятельного и богатого еврея из Шклова Ноты Ноткина из среды презираемых в еврейском обществе ремесленников. Наряду с легендой, в которой Ноткин представлен сыном бедного часовщика, бытовал вариант о его происхождении из семьи «богатых купцов, знатоков Торы», т.е. потомственной еврейской элиты. Нота Хаимович Ноткин (1746–1804) — финансист и общественный деятель. В 1802–1804 гг. участвовал в работе Первого еврейского комитета либо в качестве официального депутата, либо (сохранившиеся источники позволяют предположить и такую возможность) независимого консультанта.

104, 126, 75–83, 103–113]. В одном случае последние годы жизни и смерть «еврейского заступника» описываются нейтрально [Litvin 1916: 21.8], но в большинстве таких историй представлена впечатляющая картина несчастий, обрушившихся на надменного богача, баловня судьбы: болезни, разорение, семейные трагедии, суд и тюрьма [Tsitron 1926a: 60, 123–124, 136–137; Litvin 1916: 9.4]. Это не противоречит идеализации депутатов как еврейских праведников: согласно религиозным представлениям, праведники получают наказание за грехи в этом мире, а награду — на том свете [Вавилонский Талмуд, Брахот: 3].

Представители нееврейской власти в большинстве нарративов изображаются благосклонными к евреям и даже сведущими в еврейских обычаях. Так, министр внутренних дел граф Кочубей напоминает еврейскому просителю Ноткину¹, не узнавшему императора при встрече, о необходимости произнести «броху» (благословение) при виде царя [Tsitron 1926a: 82]. Представители нееврейской власти готовы даже признать превосходство «еврейской веры»: министр финансов «Кукрин» (имеется в виду Е.Ф. Канкрин) говорит еврею Ицэле: «Ну, Ицка, вы имеете великого бога». Чиновник Татищев, злобность которого мотивируется курьезной этимологией его фамилии, возводящей его происхождение к «злодею Титу» — разрушителю Иерусалимского храма, вынужден признать, что ничего не может поделывать с евреями, так как на их стороне «их Бог» [Ан-ский 1910: 257]. Представление об особом «еврейском» Боге (аналогично «татарскому», «немецкому» и т.п.) зафиксировано в фольклорных записях в славянской среде [Белова, Петрухин 2008: 132–136].

Особое отношение к «еврейской вере» демонстрирует сам император Александр I в истории о чудодейственном свитке Торы: богатый и ученый еврей из Пинска Шауль Левин² выкупил у католического монастыря миниатюрный древний свиток Торы, привезенный путешественником из Святой Земли. О свитке узнает император и просит Левина показать ему реликвию. Через несколько лет после взятия Москвы Наполеоном (1812) император посылает к Левину за свитком, так как убеждается, что христианские святыни ему не помогают. Одна надежда на «еврейскую Тору». После войны император возвра-

¹ Министр внутренних дел В.П. Кочубей был членом комитета по подготовке нового законодательства о евреях в 1802–1801 гг., и Ноткин неоднократно обращался к нему как к своему покровителю. Публикацию писем Ноткина В.П. Кочубею и Г.Р. Державину см.: [Гессен 1906: 443–446].

² Шауль (Шевель) Левин (1775–1834) — первой гильдии купец из Пинска, предок историка С.М. Гинзбурга. Отличился во время войны 1812 г. Упомянутый в предании свиток Торы передавался его потомками из поколения в поколение [Ginsburg 1937: 63–65].

щает Левину свиток с благодарностью и богатыми дарами [Ginsburg 1937: 68–69].

Рассказы об использовании в качестве амулетов и магических средств предметов «чужой веры», еврейского культа (в том числе «еврейских богов, на коже скрученных», т.е. свитков Торы) бытовали в среде белорусского, украинского и польского крестьянства. Зафиксированы две наиболее близкие описанному сюжету практики: использование еврейских святынь для наказания врагов и чтение «еврейских молитв» при пожаре [Белова, Петрухин 2008: 529–537, 511, 525]. Императору Александру I, равно как и упомянутым выше сановникам, таким образом, приписываются «христианские» суеверия, знакомые евреям из опыта общения со славянскими соседями. В еврейском фольклорном тексте славянский сюжет об использовании «чужой святыни» переносится на макроуровень: маленький свиток Торы оказывается причиной победы России в войне 1812 г.

Помимо использования «еврейской Торы» для окказиональной магии, Александру I в еврейских преданиях приписывается также вера в употребление евреями христианской крови. При этом еврейский фольклорный текст фиксирует вполне определенный вариант «кровавого навета», зафиксированный как в книжных источниках, так и в фольклорных записях: представление о том, что евреи подмешивают христианскую кровь в пищу, которой угощают христиан, с целью добиться их благосклонности. В упомянутой фольклорной истории Александру I показался очень подозрительным чай, которым угощал его еврейский депутат Лейзер Диллон¹ во время визита императора в дом Диллона в Несвиже [Tsitron 1926a: 129]. Таким образом, еврейского депутата обвинили в использовании крови в его «профессиональной магии». Диллону, правда, удалось доказать, что обвинение евреев в употреблении крови — клевета².

Интересен сюжет, в котором депутат смог спасти еврейскую общину только потому, что высшему обществу столицы были свойственны те же суеверия, что и белорусским крестьянам.

¹ Лейзер Диллон (Деллион, правильнее: де Леон) (1768–1838), первой гильдии купец из Несвижа Минской губернии, был в 1812–1814 гг. еврейским депутатом при Главной квартире российской армии, а в 1817–1821 гг. — при Министерстве духовных дел и народного просвещения.

² В 1816–1817 гг. имела место серия процессов по обвинению евреев в ритуальных убийствах (т.н. «кровавый навет») в Гродно, Люблине, Межириче, Седлеце и др. Еврейским депутатам в столице З. Зоненнбергу и Л. Диллону (фигурирующему в упомянутом предании в качестве защитника евреев от «кровавого навета») удалось добиться издания циркуляра губернаторам губерний черты оседлости, в котором запрещалось преследование евреев по обвинению в ритуальных убийствах (6 марта 1817 г.). Это, однако, не помешало Александру I в 1825 г. инициировать расследование по якобы имевшему место ритуальному убийству в г. Велиже («Велижское дело»). См. об этом, например: [Гессен 1902: 54–62].

Через местечко Калинковичи проводили по этапу арестантов. Среди них был один еврей, его отпустили в сопровождении конвойного в синагогу на Йом Кипур¹. Во время чтения молитвы «Kol-nidrei»² арестант сбежал, и никто не мог его найти. Раввина и пятерых членов кагала посадили под арест. Каждый день их били палками, стараясь добиться признания в содеянном побегу арестанта, который к тому же оказался главой разбойничьей шайки, осужденным за ограбление нескольких церквей. Жители местечка обратились за помощью к еврейскому депутату Зунделю Зонненбергу³. Когда же Зонненберг рассказал о случившемся «министру по еврейским делам»⁴, выяснилось, что, по мнению министра, евреи Калинковичей ни в чем не виноваты, ибо «арестанта унес нечистый» («nisht-guter»). Ведь всем известно, что во время чтения «Kol-nidrei» одного из присутствующих в синагоге евреев уносит черт («tshort»). Образ черта, который уносит евреев во время молитвы в Йом-Кипур, заимствован из польских и белорусских преданий о черте «хапуне» (подробнее о «хапуне» см.: [Белова, Петрухин 2008: 483–498]).

Парадигмой фольклорных нарративов о депутатах являлась библейская «Книга Есфирь». В еврейской традиции она обладала особым статусом — ежегодно зачитывалась в ходе коммеморативного ритуала. Образ Мордехая проецировался на депутатов и использовался для символической легитимации их политических претензий [Magid 1900: 148; LVIA. F. 378. BS. 1818. b. 286. l. 128 a v. (копия: САНПР. НМ 2/9737.1)]. Ключевое понятие «Книги Есфирь» — «скрытое чудо» (в противоположность «открытому» вмешательству Бога в ход событий, нарушению «естественного» порядка вещей) — основа рассказов о депутатах. Функцию чудесного выполняют чудесные совпадения, стечение обстоятельств. Парадигма «скрытого чуда» накладывается на универсальные фольклорные мотивы: «встреча с неузнанным (или переодетым) царем», «путешествие в поис-

¹ Йом Кипур (Судный день) — важнейший еврейский религиозный праздник, отмечается осенью, через десять дней после еврейского Нового года, день покаяния, отмечаемый постом и специальной литургией.

² «Kol-nidrei» — молитва об отмене неисполненных обетов и клятв, с которой начинается вечерняя служба в синагоге на Йом Кипур.

³ Йехуда-Зундель Зонненберг (1758 — не ранее 1826), первой гильдии купец из Гродно, в 1812–1814 гг. находился при Главной квартире российской армии в качестве подрядчика и «депутата еврейского народа», в 1817–1820 гг. (по другим данным — вплоть до 1823 г.) входил в число еврейских депутатов при Министерстве духовных дел и народного просвещения. Отстранен от должности «за дерзость пред начальством».

⁴ Очевидно, имеется в виду глава департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел, а затем министр духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицын, которому были в 1817 г. поручены все еврейские дела. Подробнее о деятельности А.Н. Голицына и его взаимодействии с еврейскими депутатами см.: [Клиер 2000: 275–282; Минкина 2007: 185–191].

ках справедливости или знания», «обретение помощников» и т.п. [Aarne, Thompson 1961: № 576, 952, 981].

На формирование в преданиях образа еврейских депутатов оказывал влияние не только библейский и талмудический архетип праведного и мудрого Мордехая, но и Мордехай в пуримшпилях — народных драмах на библейский сюжет, где он предстал как суетливый, глупый, вечно сквернословящий старик [Береговский 2001: 68–71]. Этим можно объяснить проникновение карнавального, комического элемента в тексты о депутатах. Влиянием народного театра может объясняться и нехарактерное для еврейского повествовательного фольклора детальное описание костюмов персонажей, представлявших собою гротескное сочетание традиционного скоромного еврейского наряда с отдельными элементами костюма российской аристократии, богато украшенного орденовыми лентами, драгоценными пуговицами, золотым шитьем [Tsitron 1926a: 30; Litvin 1916: 8.3, 9.4, 21.5, 8].

Композиция фольклорного нарратива о депутатах, аналогично композиции пуримшпиля, строилась на чередовании серьезных (иногда патетических) сцен с комическими. Так, в рассказе о путешествии еврейского ходатая Ноты Ноткина в Вильно за эпизодами, где герой молится на могиле Виленского гаона и испрашивает благословения у ребе Хаима Воложинера¹, следует комическая сцена перебранки Ноткина с часовым у губернаторского дворца [Tsitron 1926a: 77–79]. Иногда не только отдельные эпизоды повествования, но и все предание приобретает откровенно пародийный характер. Такова, например, история о депутации евреев местечка Дубровно к Екатерине II. Потемкин, владеец Дубровно, решил построить на своих землях ткацкую фабрику и заставить местных евреев там работать. Евреи восприняли такую перспективу как страшное бедствие, собрали общинный сход и решили пойти к самой императрице с жалобой на ее favorita. Долго думали евреи Дубровно, как повлиять на Екатерину, и решили дать ей крупную взятку. Выбрали двух депутатов и отправили в Петербург. Представ перед императрицей, депутаты обещали ей «дать десять тысяч рублей, а то и больше», лишь бы в Дубровно не строили фабрику. «Дураки!» — воскликнула просвещенная императрица, но решение о постройке фабрики все-таки велела отменить [Litvin 1916: 22].

¹ Виленский Гаон (р. Элияху бен Шломо-Залман из Вильно) (1720–1797) — автор философских и каббалистических трудов, противник хасидизма, пользовался огромным авторитетом в еврейской среде. Хаим Воложинер (Хаим бен Ицхак) (1749–1821) — ученик Виленского Гаона, основатель знаменитого высшего религиозного учебного заведения в местечке Воложин (Воложинской йешивы). Молитвы на могилах праведников были распространенной практикой в еврейской среде. Упоминание об этой практике — устойчивый мотив в фольклорных рассказах.

Заложенные в фольклорных текстах пародийные элементы развиты в позднейшей литературе на идише, где они были использованы для дискредитации традиционных моделей еврейской политики. В одной из «вставных новелл» в романе А.М. Дика «Первый еврейский рекрут, или как это было в 1828 году» описывается жизнь еврейских депутатов в Петербурге. Чтобы заработать, они торговали зеленью, печеньем и старой посудой на толкучке. Те из них, которые хоть немного знали русский язык, писали прошения за своих единоверцев. Не желая нарушать религиозных законов о кошерной пище, они не покупали молоко у уличных разносчиц, а завели собственную козу. Она отличалась строптивым нравом и часто сбегала. Депутаты гонялись за ней по центральным улицам Петербурга и нередко попадали в полицейский участок [Dik 1871: 5–7].

Повествование Дика строится как пародия на типичный фольклорный рассказ о депутатах. Характерное для традиционного фольклорного нарратива представление о депутатах как о влиятельных персонах, живущих в роскоши, в месте, запретном для основной массы евреев, и имеющих доступ к императору и министрам, противопоставляется описанию мытарств депутатов в столице. Насмешка над ортодоксией соседствует с явными аллюзиями на жизнь современных автору еврейских низов Петербурга. Отметим, что в еврейской традиции фактически отсутствовал прямой запрет на «halaf nozri» (молоко, купленное у неевреев), и отказ депутатов от продукции уличных разносчиц был проявлением крайней строгости в выполнении религиозных заповедей. В фольклорных текстах прославлялось особое благочестие депутатов, являвшееся индикатором их принадлежности к традиционной элите, а здесь оно проявляется в комических сценах с козой. Использование образа козы также, возможно, несет символическую нагрузку и ассоциируется с библейским «козлом отпущения»¹.

Но самым важным отличием преданий о депутатах от парадигматического образца «Книги Есфирь» является отсутствие либо полная перекодировка образа персонажа, соответствующего царице Эстер. Депутаты достигают успеха без помощи еврейской жены или возлюбленной какого-либо влиятельного лица, а в тех нарративах, где «прекрасная еврейка» все-таки появляется, она играет деструктивную роль. Наиболее ярким

¹ В басне А.-Б. Готтлобера «Депутаты» (ок. 1829 г.) метафора «козла отпущения» по отношению к депутатам выражена более четко: животные выбирают в депутаты козла за то, что он «белый, красивый и бородатый». [Gotlober 1931: 44–46]. Образ козы увязывается с темой «придворного еврея» и в фольклорных текстах — пуримшпилях. Она фигурирует в монологах Мордехая, который то предлагает царю «поцеловать козу под хвост», то рассказывает о том, как его коза забрела в синагогу и учинила там переполох [Береговский 2001: 201–202].

примером является история с Александром I и дочерью еврейского депутата Лейзера Диллона. Остановившись в доме Диллона в Несвиже, император обратил внимание на тринадцатилетнюю дочь депутата Ривку-Рохл. Девушка, по одной версии, гордо отвергала все знаки «высочайшего благоволения», по другой версии, «сидела у императора на коленях и играла его эполетами и орденами, а он гладил ее курчавые черные волосы». Узнав об этом «романе», Диллон, который при любых обстоятельствах держал себя «гордо и свободно», смело заявил Александру, что «никогда не отдаст свою дочь не еврею, будь то хоть сам государь император». Александр уехал, но затаил обиду на депутата и при случае жестоко отомстил ему: вскоре Диллона арестовали за мошенничество и конфисковали все его имущество. Некогда прогуливавшийся с императором рука об руку надменный богач Лейзер Диллон умер в остроге во время судебного разбирательства¹ [Litvin 1916: 9].

Аналогичным образом несчастья депутата Зунделя Зонненберга в фольклорной истории начинаются с бегства его единственной дочери с польским шляхтичем [Tsitron 1926a: 123–124]². Противоречие между религиозным запретом на связи с не евреями и основным мотивом «Книги Есфирь» прослеживается уже в талмудических текстах. Предания о депутатах отражают ригористическую негативную трактовку этого противоречия: то, что было возможно в незапамятные времена и прощалось библейской героине, в более современную рассказчикам эпоху влечет за собою тяжкую расплату.

В предании о «Мстиславском буйстве» отмеченное противоречие снимается тем, что героиня оказывается не родной, а приемной дочерью еврея Ицеле, польской аристократкой, чьи родители погибли во время восстания 1830–1831 гг. Она становится фрейлиной при дворе Николая I и тайно помогает своему приемному отцу [Ан-ский 1910: 248]. Персонажем, полностью соответствующим архетипическому образу Эстер, является в этой группе преданий только «тетка Лея» (Юлия Грейг, крещеная еврейка, супруга адмирала А.С. Грейга)³. Еврейское предание рассказывает, что, несмотря на переход в христиан-

¹ История с арестом Л. Диллона по личному распоряжению Александра I подтверждается архивными материалами. В 1821 г. депутат Диллон навлек на себя немилость императора, сопровождая его в очередной поездке за границу, а затем оказался в Минске под следствием за мошенничество. Был освобожден, хотя и находился «под надзором полиции», и умер в Вильно в 1838 г. [ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. Д. 67 (копия: САНДР. НМ 2/9450.10)].

² Бегство Хаи Эстер, единственной дочери З. Зонненберга, со шляхтичем Матвеем Болтуцем в апреле 1820 г. зафиксировано в архивных материалах. Подробнее об этом см.: [Фельдман, Минкина, Кононова 2007: 77–79].

³ Подробнее о ней см.: [Фельдман, Минкина, Кононова 2007: 82–92].

ство, она оставалась, как и ее отец, ревностной почитательницей своего дальнего родственника Ружинского цадика¹. Ее отношения с ним строились по той же схеме, что и отношения обычных хасидов со своими цадиками: она посылала взносы на содержание цадика, так называемые *pid'oniim*, которые должны уплачивать все принадлежащие к данному «двору» хасиды, и специальные записочки-*kvitlekh* (*bekoshes*), на которых было принято записывать свои желания, чтобы цадик о них помолился; спрашивала у него совета во всех своих делах и вела с ним переписку. Благодаря своему заступничеству за евреев «тетка Лея» прославилась по всей «черте оседлости» [Tsitron 1926b: 16–18].

Предания о депутатах не дают и яркого образа, соответствующего Аману — высокопоставленному сановнику и лютому врагу евреев. Фигурирующий в одном из рассказов злой исправник из Мозыря, притеснявший евреев местечка Калинковичи и полностью покоровившийся евреям после инициированного еврейским депутатом выговора «из центра» [Tsitron 1926a: 107–108, 112], явно фигура не того масштаба. В сюжетах, где тот или иной представитель власти выступает против евреев, его негативные характеристики нивелируются легкостью, с которой евреям удается расстроить его козни, а антисемитизм власть предержавших мотивируется не идеологическими и политическими соображениями, а личной обидой.

Таков, например, рассказ о Г.Р. Державине и евреях: всякий раз, когда Державин приходил с какой-то просьбой к Потемкину, его заставляли долго ждать в передней. Через какое-то время из кабинета Потемкина выходили шкловский еврей Йешуа Цейтлин и его молодой зять Абрам Перетц², а секретарь Потемкина объявлял, что фаворит сегодня больше никого не принимает. Державин затаил обиду на евреев и потом оклеветал их перед императором Павлом³. Но Абрам Перетц, склонив

¹ Ружинский цадик (ребенек Исроэль-Моше Фридман) (1796–1850) — глава т.н. Садагорского хасидизма. Отличался снисходительным отношением к порокам и грехам своих последователей, поскольку считал, что большинство людей деградировало и «слабы» для соблюдения заповедей. Имел большое состояние и связи в кругах польской и русской аристократии.

² Йешуа Цейтлин (1742–1821) из Шклова — подрядчик и ученый, «придворный еврей» Г.А. Потемкина. Абрам Перетц (1771–1833) был женат первым браком на дочери Й. Цейтлина Сары-Фейгеле. В 1813 г. перешел в лютеранство. Был близок к государственным деятелям В.П. Кочубею, М.М. Сперанскому, Н.Н. Новосильцеву и др.

³ В предании, очевидно, отразилась память о деятельности Г.Р. Державина по «еврейскому вопросу». В 1800 г. он выступил с «Мнением об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и о прочем». После своей поездки с сенатской ревизией по белорусским губерниям Г.Р. Державин заявил, что причина голода в этом регионе — не неурожай, а спекуляция еврейских торговцев, поэтому, по его мнению, следовало бороться с евреями и «искоренять еврейские пороки»: замкнутость, «фанатизм» и «вредные

на свою сторону большую часть столичной аристократии, сумел добиться отставки Державина [Tsitron 1926a: 47, 56]. О С.Г. Зориче, фаворите Екатерины II, владельце местечка Шклов, рассказывали, что он жестоко притеснял местных евреев, однако был еврей, которого помещик боялся и не смел к нему «цепляться» — Нота Ноткин [Tsitron 1926a: 70]. Таким образом, из «Книги Есфирь» в преданиях о еврейских депутатах заимствовались только отдельные мотивы, перенесения фабулы на более близкую рассказчикам эпоху не происходило.

Память о еврейских депутатах была вписана в фольклорные вариации на тему архетипического для еврейской культуры сюжета «Книги Есфирь», дополненные широко распространенными мотивами мирового фольклора. Воспоминания о депутатах в коллективной памяти российских евреев оказывались связанными с общим представлением о конце XVIII — начале XIX в. как о «золотом веке», когда евреям разрешали свободно селиться в Петербурге и даже справлять свои праздники в парке Екатерингоф [Оршанский 1877: 301]. И Екатерина II, установившая печально знаменитую черту оседлости и двойное налогообложение для евреев, и Александр I, проводивший по отношению к ним жесткую репрессивную политику, фигурировали в еврейском фольклоре в качестве добрых и справедливых государей. Последнее в еврейской традиции связано с метафорой «царя» в качестве символической репрезентации власти небесной.

Весьма примечательной чертой преданий о еврейских депутатах является прослеживаемая в них семантическая связка между успехами депутатов и процветанием их родной общины. К этому же семантическому ряду относятся постоянно приписываемые депутатам щедрость и плодовитость. Депутаты в свое время претендовали на выражение интересов евреев всей Российской империи, но в фольклорных преданиях они выступают в первую очередь в качестве защитников своей родной общины в соответствии с традиционным восприятием еврейского общества как совокупности отдельных независимых друг от друга общин. Можно также констатировать, что принципиально новую для еврейского общества своего времени фигуру депутата последующий фольклор «осваивает» в старых: библейских, талмудических и собственно фольклорных — формах, превращая агента модернизации в архетипического «культурного героя».

промыслы». В 1802–1803 гг. Державин был членом Первого еврейского комитета для подготовки нового законодательства о евреях, однако из-за разногласий с остальными членами комитета был вынужден уйти в отставку (подробнее об этом см.: [Клиер 2000: 165–238]).

Список сокращений

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

САНЖР — The Central Archives for the History of the Jewish People

LVIA — Lietuvos valstybinis istorijos archyvas (Литовский государственный исторический архив)

Библиография

- Ан-ский С.А.* Из легенд о мстиславском деле // Пережитое. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910. Т. II. С. 247–258.
- Белова О.В., Петрухин В.Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М.; Иерусалим: Мосты культуры — Гешарим, 2008. 569 с.
- Береговский М.* Пуримшпили. Еврейские народные музыкальные театральные представления. Киев: Дух і Літера, 2001. 646 с.
- Гессен Ю.И.* Евреи в России. СПб.: Право, 1906. 471 с.
- Гессен Ю.И.* К истории «средневековых» обвинений // Книжки Востока. 1902. Кн. 4. С. 54–62.
- Гессен Ю.И.* «Мстиславское буйство» по архивным материалам // Пережитое. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910. Т. II. С. 54–77.
- Клиер Дж.Д.* Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.; Иерусалим: Мосты культуры — Гешарим, 2000. 352 с.
- Минкина О.Ю.* Евреи и власть: депутатии 1773–1825 гг. в Российской империи // Исторические записки. 2007. № 10 (128). С. 165–201.
- Оршанский И.Г.* Русское законодательство о евреях. СПб.: Тип. А.Е. Ландау, 1877. 456 с.
- Фельдман Д.З., Минкина О.Ю., Кононова А.Ю.* «Прекрасная еврейка» в России XVII–XIX вв.: образы и реальность. М.: Древлехранилище, 2007. 142 с.
- Aarne A., Thompson S.* The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Helsinki: The Finnish Academy of Science and Letters, 1961. 588 p.
- An-ski S.* Msiras nefesh // An-ski S. Gezamelte shriftn. N.Y.: Klal-Ferlag, 1927. Т. 1. S. 202–217.
- Dik A.M.* Der ershter nabor. Vilno: Тип. Ромм, 1871. 30 S.
- Fishman D.E.* Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov. N.Y.: New York University Press, 1995. 195 p.
- Ginsburg S.* Historishe verk. N.Y.: Shaul Ginsburg Jubilee Committee, 1937. Vol. 2. 253 S.
- Gotlober A.-B.* Die deputatn // Zeytschrift. Minsk, 1931. Т. V. S. 44–46.
- Hurwitz S.Y.* Sefer hayai (zikhronot) // Ha-Shiloah. 1922. № 1. S. 1–14.
- Lederhendler E.* The Road to Modern Jewish Politics. Political Tradition and Political Reconstruction in the Jewish Community of Tsarist Russia. Oxford: Oxford University Press, 1989. 240 p.

Levitats I. The Jewish Community in Russia. 1772–1844. N.Y.: Columbia University Press, 1943.

Litvin A. Yiddishe neshomes. N.Y., 1916. Vol. 1. 167 S.

Magid G.N. Ir Vilno. Vilno: Тип. Ромм, 1900. 203 S.

Tsitron S.L. Meshumodim. Warszawa: Ahisefer, 1926b. Vol. 4. 140 S.

Tsitron S. L. Shtadlonim. Warszawa: Ahisefer, 1926a. 156 S.